

Новые переводы

РАЗЛИЧИЕ: СОЦИАЛЬНАЯ КРИТИКА СУЖДЕНИЯ¹

Пьер Бурдьё

Перевод О.И. Кирчик

Научное редактирование – Н.А. Шматко, В.В. Радаев

Трехмерное пространство

Первичные различия, позволяющие выделять большие классы условий существования, обоснованы *общим объемом капитала* [volume global du capital], понимаемым как совокупность ресурсов и власти, которыми можно реально воспользоваться: экономический капитал, культурный капитал, социальный капитал. Так, различные классы (и группы внутри класса) выстраиваются от тех, кто лучше всего обеспечен одновременно экономическим и культурным капиталом, к тем, кто более всего обделен в этих двух отношениях. Представители либеральных профессий, имеющие высокие заработки и престижные дипломы, в большинстве случаев (52,9%) происходящие из господствующего класса (либеральные профессии или высшие управленческие кадры), много получающие и много потребляющие как материальных, так и культурных благ, противопоставляются почти по всем параметрам мелким служащим, имеющим невысокую квалификацию, происходящим часто из средних и низших классов, мало получающим и мало тратящим, посвящающим большую часть времени ремонту своей машины и работе по дому. С еще большей очевидностью они противопоставляются рабочим, квалифицированным или низкоквалифицированным, и в особенности – чернорабочим и сельскохозяйственным рабочим, имеющим наименьшие заработки, не обладающим дипломом об образовании и вышедшим – почти все без исключения (90,5% сельскохозяйственных рабочих и 84,5% чернорабочих) – из рабочих классов.

Различия, основанные на общем объеме капитала, почти всегда скрывают, как для обыденного, так и для «научного» познания, вторичные различия. Так, внутри каждого класса, определяемого по общему объему его капитала, выделяются подклассы, различия между которыми основаны на *структуре активов* [structures patrimoniales], т.е. различных формах распределения совокупного капитала между отдельными его видами. Принять в расчет структуру всех активов – а не только, как это всегда имплицитно делалось, *основного* для данной структуры *типа капитала*, к примеру: «происхождение», «богатство» или «талант», как говорили в XIX в., – значит провести более точные границы и одновременно с этим увидеть специфические черты самой структуры распределения между различными видами капитала. Эта структура может быть симметричной (как в случае либеральных профессий, где высокий уровень доходов сочетается с большим культурным капиталом) или асимметричной (как у преподавателей вузов или владельцев частных предприятий, характеризующихся доминирующим типом капитала: культурным – в первом случае,

¹ *Источник:* Bourdieu P. La Distinction: Critique sociale du jugement. Paris: Ed. de Minuit, 1979. P. 128–129, 189–199, 200, 201–204, 204–208, 209–211, 214–219, 221–224, 227–228, 229–230 (с небольшими купюрами за счет текста, набранного в оригинале петитом). Подбор страниц осуществлен Д. Граски, см.: Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / D. Grusky (ed.). Boulder: Westview Press, 1994. P. 404–429.

экономическим – во втором). Можно видеть, таким образом, два множества гомологичных позиций. Подклассы, воспроизводство которых зависит от экономического капитала, чаще всего наследуемого: промышленники и крупные коммерсанты на высшем уровне, ремесленники и мелкие коммерсанты – на среднем, противопоставляются группам, имеющим наименьший (относительно, конечно) экономический капитал, их воспроизводство зависит в основном от культурного капитала: профессура на высшем уровне, учителя – на среднем.

Габитус и пространство стилей

Вероятно, стоит напомнить, что описываемое здесь социальное пространство, которое мы представляем в виде схемы, – это *абстрактное изображение*, являющееся продуктом особого конструирования и дающее, подобно топографической карте, общий обзор, взгляд на совокупность точек, с которых обычные агенты (в том числе социолог или сам читатель в их обыденной жизни) видят социальный мир. Делая доступными взгляду одновременно – и в этом заключается его эвристическая ценность – все позиции, которые иначе никогда не могут быть постигнуты агентами в их совокупности и многообразии их отношений, социальное пространство предстает по отношению к практическому пространству повседневного существования с его дистанциями, которые сохраняются или подчеркиваются, и с его близкими соседями, которые могут быть более далеки, чем незнакомцы – тем же, чем геометрическое пространство является для *годологического*² пространства обыденного опыта, с его пробелами и разрывами. Но важнее всего, без сомнения, то, что вопрос об этом пространстве поставлен в самом этом пространстве, что на это пространство, чью объективность невозможно отрицать, у агентов есть свои точки зрения, которые зависят от занимаемых ими позиций и в которых часто выражается их желание его преобразовать либо сохранить в неизменном виде. Таким образом, многие слова, используемые наукой для обозначения конструируемых ею классов, заимствованы из обыденного языка, где они служат для выражения представлений, зачастую полемических, которые различные группы имеют друг о друге. Стремясь ко все большей объективности, социологи почти всегда забывают, что классифицируемые ими «объекты» сами способны производить практики, объективно поддающиеся классификации, а кроме того, не менее объективные операции классифицирования, в свою очередь поддающиеся классификации. Разделение на классы, осуществляемое социологией, возводит к общему корню производимые агентами классифицируемые практики и классифицирующие суждения, которые они выносят относительно своих или чужих практик: в действительности, габитус [habitus] является *порождающим принципом* [principe générateur] объективно классифицируемых практик и одновременно *системой классификации* [principium divisionis] этих практик. Именно в соотношении между этими двумя способностями, определяющими габитус, – способности производить классифицируемые практики и их продукты и способности различать и оценивать эти практики и эти продукты (вкус) – формируется *представление о социальном мире* или *пространство стилей жизни*.

Отношение, которое устанавливается между соответствующими характеристиками социального и экономического положения (объем и структура капитала в их синхронном и диахронном срезам) и отличительными чертами, ассоциируемыми с той или иной позицией в

² *Hodologique* (hodos (греч.) – путь, движение) – изначально этот термин появился в физиологии для обозначения соединения между нейронами. Курт Левин использовал его для описания пространства. Различая физическое и годологическое пространство, он соотносил последнее с субъективным измерением близости и дальности целей для субъекта [о годологическом пространстве Левина см.: Сартр Ж.-П. Воображаемое. Феноменологическая психология воображения. СПб.: Наука, 2001]. – *Прим. перев.*

пространстве стилей жизни, становится внятным лишь посредством конструирования габитуса как порождающей формулы, позволяющей объяснить классифицируемые практики и их результаты и вместе с тем суждения, относимые к тому или иному классу, которые преобразуют эти практики и результаты в систему *отличительных знаков*. Говоря об аристократическом аскетизме преподавателей или о притязательности мелкой буржуазии, мы не только описываем указанные группы с помощью того или иного их свойства, пусть даже наиболее важного из них, – тем самым мы пытаемся обозначить порождающий принцип всех их свойств и суждений относительно их собственных свойств или свойств других индивидов. Инкорпорированная необходимость [*nécessité incorporée*], преобразованная в диспозицию [*disposition*], лежащую в основе осмысленных практик и оценок, способных придавать смысл таким образом порожденным практикам, – габитус как основная и переносимая диспозиция находит всеобщее и систематическое применение, распространяющееся за пределы приобретенного опыта, за пределы необходимости, неотделимой от условий обучения. Таким образом, габитус ответствен за то, что совокупность практик агента (или группы агентов, являющихся продуктом сходных условий) имеет систематический характер, являясь результатом применения идентичных (или взаимно конвертируемых) схем, и одновременно с этим систематически отличается от практик, образующих другой стиль жизни.

Вследствие того, что различные условия существования производят различные габитусы, или системы порождающих схем [*système de schèmes générateurs*], применимые путем простого переноса к самым разным сферам практик, – практики, порожденные различными габитусами, предстают как организованные конфигурации свойств, выражающих различия, которые объективно вписаны в условия существования в виде систем дифференциальных расхождений. *Воспринимаясь* агентами, наделенными схемами восприятия и оценки, необходимыми для того, чтобы улавливать, интерпретировать и оценивать свойственные им черты, эти конфигурации действуют как стили жизни³.

Структурирующая структура, организующая практики и их восприятие, габитус является также структурированной структурой: принцип деления на логические классы, организующий восприятие социального мира, сам является результатом воплощения деления на социальные классы. Положение [*condition*] каждого класса определяется одновременно через внутренне присущие ему свойства [*propriétés intrinsèques*] и через реляционные свойства [*propriétés relationnelles*], которыми оно обязано своему месту в системе условий существования, являющейся также *системой различий*, различающихся позиций [*positions différentielles*]. Иными словами, каждая позиция определяется через все то, что отличает ее от всего того, чем она не является, и, в особенности, от всего того, чему она противопоставляется: социальная идентичность определяется и утверждается в различии. Это означает, что вся структура системы условий существования, как она реализуется в опыте той или иной позиции, занимающей определенное место в этой структуре, с неизбежностью оказывается вписанной в диспозиции габитуса: основные оппозиции структуры условий существования (высокий/низкий, богатый/бедный и т.д.) предстают как фундаментальные принципы структурирования и восприятия практик. Являясь системой схем, порождающих практики, габитус систематически выражает свойственные классовому положению необходимость и свободы, а также различие, конституирующее позицию. Габитус улавливает различия в положении класса в форме различий между классифицируемыми и классифицирующими практиками (как продуктами габитуса), действуя в соответствии с принципами дифференциации, результирующими эти различия, а потому с ними объективно согласованными и готовыми воспринимать их как нечто естественное. Если мы считаем нужным подчеркнуть, отрицая любую форму

³ Отношение между условиями существования и практиками или смыслом практик не должны объясняться ни в логике механизма, ни в логике сознания.

механистического подхода, что повседневный опыт социального мира есть познание, то не менее важен для нас отказ от иллюзии стихийного порождения сознания, к которой сводятся многие теории «осознавания» [prise de conscience], поскольку первичное знание есть неузнавание, а значит, – признание порядка, установленного также и в головах. Стили жизни являются систематической производной от габитусов: взятые в их взаимосвязи согласно схемам габитуса, они становятся системами социально маркированных знаков («благородный», «вульгарный» и т.д.). Диалектика условий и габитусов лежит в основе алхимии, трансформирующей распределение капитала – или баланса соотношения сил – в систему распознаваемых различий, отличительных свойств, иначе говоря, в распределение символического (легитимного) капитала, чья объективная истина остается не узнаваемой.

В качестве структурированных продуктов (*opus operatum*), произведенных одной и той же структурирующей структурой (*modus operandi*)⁴ ценой обратных переводов, продиктованных логикой, присущей различным полям, все практики и продукты практик данного агента объективно согласованы между собой, без какого бы то ни было намеренного стремления к связности, и объективно синхронизированы, вне всякой сознательной координации, с практиками всех членов того же класса. Габитус непрерывно порождает практические метафоры или, говоря другим языком, переносы (среди которых перенос двигательных навыков представляет собой лишь частный пример), а лучше – *систематическое транспонирование*, требуемое особыми условиями воплощения габитуса на практике. Так, аскетический этос [ethos ascétique], который, согласно нашим ожиданиям, будет всегда выражаться в бережливости, в определенном контексте может проявиться как особая манера использования кредита. Практики одного и того же агента и, более широко, практики всех агентов одного и того же класса обязаны *сродством стиля* [l'affinité de style], благодаря которому каждая из них становится метафорой любой другой из их числа, тому обстоятельству, что они [практики] являются продуктом переноса одинаковых схем действия из одного поля в другое. Подобно такому аналоговому оператору, каким является габитус, диспозиция, называемая «почерк», иначе говоря, индивидуальная манера писать буквы, всегда производит одинаковое письмо: несмотря на разницу размера, материала или цвета, зависящих от носителя – листка бумаги или классной доски, или от инструмента – ручки или куска мела, т.е. несмотря на разницу используемых средств, графические начертания немедленно обнаруживают свое сходство, так же как совокупность черт стиля или манеры, по которым узнают художника или писателя так же безошибочно, как человека по походке.

Систематичность наблюдается в *opus operatum* вследствие того, что она заложена в *modus operandi*. Так, если она характеризует совокупность «собственных свойств» [propriétés⁵] – и собственности, – которыми окружают себя индивиды или группы: дома, мебель, картины, книги, автомобили, алкоголь, сигареты, духи, одежда; и практик, посредством которых они демонстрируют свое отличие: спорт, игры, культурные развлечения, – то лишь потому, что систематичность имеется в изначально синтетической целостности габитуса, унифицирующем и порождающем принципе любых практик. Вкус, склонность и способность данного класса к присвоению (материальному и (или) символическому) классифицированных и классифицирующих объектов или практик, является порождающей формулой, лежащей в основе стиля жизни – целостного множества отличительных предпочтений, выражающих, следуя специфической логике каждого из символических подпространств (мебель, одежда, речь или телесный экзис [hexis corporelle]) одну и ту же

⁴ Opus operatum (лат.) – «произведения», «результаты действия»; modus operandi (лат.) – «способы действия». – Прим. перев.

⁵ Бурдьё играет здесь на двух значениях слова «propriété», обозначающего во французском языке, с одной стороны, «свойство, особенность» и с другой – «собственность, владение». – Прим. перев.

выразительную интенцию. Каждый аспект стиля жизни «символизирует вместе» с остальными, – как говорил Лейбниц, – и символизирует все остальные: мировоззрение старого ремесленника-краснодеревщика, его способ распоряжаться своими деньгами, временем или своим телом, его речь и предпочтения в одежде целиком содержатся в его этике скрупулезной и безупречной работы, аккуратности, тщательной отделки, законченности, а также в его эстетике работы ради самой работы, для которой мерой красоты его произведений служат вложенные в них тщательность и терпение.

В основе системы хорошо *сочетающихся свойств*, что верно также и для индивидов (говорят: «они так подходят друг другу», а друзья любят подчеркивать, что у них одинаковые вкусы), лежит вкус, система классифицирующих схем, которые могут быть осознаваемы лишь частично, хотя по мере восхождения по иерархической лестнице стиль жизни начинает занимать все более важное место в том, что Вебер называет «стилизацией жизни». Именно вкус лежит в основе этой взаимной выверенности черт, ассоциируемых с определенным человеком, которая рекомендовалась древней эстетикой для их *взаимного усиления*: бесчисленные сведения о себе, которые осознанно или неосознанно выдает человек, бесконечно удваивают и подтверждают друг друга, предлагая опытному взгляду наблюдателя удовольствие сродни тому, какое доставляют любителю искусства симметрии и соответствия, вытекающие из гармоничного распределения избыточных элементов. Эффект сверхдетерминации, возникающий как следствие этой избыточности, ощущается с тем большей силой, что различные черты, которые необходимо отделить друг от друга при наблюдении или измерении, для обыденного восприятия сливаются между собой: каждый предоставляемый практикой элемент информации (как, например, суждение о живописи) искажается – и в случае отклонения от правдоподобия исправляется – под влиянием совокупности черт, замеченных ранее или в то же время. Поэтому исследование, стремящееся разобщить различные черты (отделяющее, например, высказывания от манеры их произнесения), вырвать их из системы соотносительных признаков, имеет тенденцию преуменьшать по всем параметрам разницу между классами и особенно расстояние между мелкой буржуазией и буржуазией: в обычной обстановке, свойственной буржуазному образу жизни, банальности об искусстве, литературе или кино произносятся важным и хорошо поставленным голосом, с медленной и непринужденной дикцией, сочетаясь со сдержанной или уверенной улыбкой, выверенными жестами, костюмом хорошего покроя и буржуазным салоном того, кто их произносит.

Итак, вкус является практическим оператором преобразования вещей в отличные и отличительные знаки, непрерывных распределений по дискретным оппозициям; он переносит различия, вписанные в *физический строй тел* [ordre physique], в *символический строй* [ordre symbolique] значимых различий. Вкус преобразует объективно классифицированные практики, через которые (с его помощью) обозначается социальное положение, в классифицирующие практики, иными словами, – в символическое выражение классовой позиции одним лишь фактом их одновременного и взаимосвязанного восприятия в соответствии с социальными схемами классификации. Таким образом, он лежит в основе системы отличительных признаков, которая предназначена восприниматься как систематическое выражение того или иного класса условий существования, т.е. как особый стиль жизни, всяким, кто обладает практическим знанием связей между отличительными знаками и позициями в их распределении – между пространством объективных свойств, являющимся результатом научного конструирования, и не менее объективным пространством стилей жизни, которое существует как таковое в обыденном опыте и для него. Такая система классификации есть лишь результат инкорпорирования структуры социального пространства в том виде, в каком она предстает исходя из опыта какой-то определенной позиции в этом пространстве. Она служит принципом приспособления практик к закономерностям, присущим определенному положению (в границах экономически возможного и невозможного, которые логика этой системы стремится

воспроизвести). Этот принцип непрерывно трансформирует потребности в стратегии, а ограничения – в предпочтения и порождает, вне какой бы то ни было механической детерминированности, совокупность «выборов», формирующих *стили жизни*, классифицированные и классифицирующие, чей смысл, т.е. ценность, зависит от положения в системе оппозиций и корреляций.⁶ Нужда, ставшая добродетелью, – вкус постоянно склоняет к тому, чтобы делать из нужды добродетель, побуждая осуществить «выбор», который соответствовал бы условиям, продуктом которых он является: как мы видим во всех случаях, когда вследствие изменения социального положения условия, в которых габитус был сформирован, не совпадают с условиями, в которых он функционирует, и когда можно оценить силу его действия, именно вкус к необходимому [*goût de nécessité*] или вкус к роскоши [*goût de luxe*], а не уровень достатка, обуславливает практики, объективно приспособленные к имеющимся ресурсам. Вкус – это то, благодаря чему мы имеем то, что любим, потому что любим то, что имеем, иными словами, это те свойства, которые приданы нам *de facto* в распределениях и приписаны нам *de jure* в классификациях.

Гомология между пространствами

Учитывая вышесказанное и особенно тот факт, что порождающие схемы габитуса применимы, путем простого переноса, к самым разным областям практики, становится ясно, что практики или блага, ассоциируемые с различными классами в различных областях практики, организованы в соответствии со структурами оппозиций, совершенно гомологичными между собой, вследствие того, что все они гомологичны пространству объективных оппозиций между условиями существования классов. Не претендуя показать здесь, на нескольких страницах, то, что будет установлено всем последующим изложением, но чтобы дать общий обзор всей совокупности связей, которая рискует быть сокрытой при детальном анализе, мы ограничимся тем, что обрисуем, весьма схематично, каким образом два основных принципа организации социального пространства определяют структуру и изменение пространства видов культурного потребления и, беря шире, всего пространства стилей жизни, одним из аспектов которого эти виды являются. В области культурного потребления основная оппозиция устанавливается, исходя из общего объема капитала, между видами потребления, считающимися *благородными* уже в силу своей редкости и характерными для групп, обладающих одновременно наибольшим экономическим и культурным капиталом, и видами потребления, социально обозначенными как *вульгарные* в силу их *доступности* и *распространенности* и характерными для наиболее обделенных в этих двух отношениях групп. При этом промежуточное положение занимают практики, которые воспринимаются как *претенциозные* в силу явного несоответствия между амбициями и реальными возможностями. Положению доминируемых, для которого характерно, с точки зрения доминирующих, сочетание вынужденной аскезы и необоснованной вседозволенности, доминирующая эстетика, наиболее полным выражением которой являются произведения искусства и склонность к прекрасному, противопоставляет сочетание обеспеченности и аскезы, т.е. избирательный аскетизм как намеренное ограничение, экономия средств, скромность, сдержанность, которые утверждаются в этом абсолютном проявлении превосходства, каким является непринужденность в напряженной ситуации.

⁶ Экономическая теория, рассматривающая экономических агентов как взаимозаменяемых акторов, парадоксальным образом упускает из виду экономические условия формирования экономических диспозиций, тем самым отказывая себе в том, чтобы по-настоящему объяснить системы предпочтений, определяющие субъективные выгоды, не сравнимые и отличные друг от друга.

Эта фундаментальная оппозиция уточняется в зависимости от структуры капитала. Так, в зависимости от имеющихся в их распоряжении средств присвоения, исключительно или главным образом культурных, с одной стороны, и скорее экономических – с другой, и в зависимости от различных форм отношения к производству искусства, которые от них проистекают, различные фракции господствующего класса оказываются ориентированными на культурные практики, столь различные как по своему стилю, так и по предмету, и подчас столь откровенно антагонистические (как если сравнить практики «интеллектуалов» и «буржуа»⁷), что мы, в конце концов, забываем, что они являются вариантами одного и того же основополагающего отношения к необходимости и к тем, кто ей подчиняется, и что они движимы общим стремлением к эксклюзивному присвоению легитимных культурных благ и получаемых ими выгод от отличия. В противоположность представителям доминирующих групп, ищущим в искусстве отрицание социального мира и склонным к гедонистической эстетике непринужденности и легкости, которую символизируют бульварный театр и импрессионистская живопись, представителям доминируемых групп («интеллектуалам») в эстетике близко то, что в ней есть сугубо аскетичного, в силу чего они склонны поддерживать все художественные революции, совершаемые во имя чистоты и очищения, отрицания буржуазного вкуса к приукрашиванию и выставлению напоказ, будучи при этом склонными к пессимистическому представлению о социальном мире вследствие диспозиций, связанных с их статусом *бедных родственников*.

Очевидно, что искусство является наилучшей почвой для такого очищения, но в действительности нет такой области практики, где интенция подвергнуть очищению, утончению, сублимации примитивные импульсы и первичные нужды не могла бы осуществиться, нет такой области, где «стилизация жизни», т.е. примат *формы* над *функцией*, ведущий к отрицанию функции, не приводила бы к тем же результатам. Что касается языка, это оппозиция между простонародным прямодушием («правда в глаза») и высоко цензурированным языком буржуазии, между стремлением к красочной выразительности или желанием произвести впечатление и сдержанностью и наигранной простотой (*litotes*, по-гречески). Та же экономия средств в использовании языка тела: жесты и спешка, мины и мимика противопоставлены неспешности – как у Ницше⁸, «неспешные жесты, неспешный взгляд» знати – сдержанности и невозмутимости, посредством которых подчеркивается превосходство. И нет такой области вкусов, вплоть до самых примитивных, которая не была бы организована в соответствии с этой фундаментальной оппозицией, антитезой между количеством и качеством, обжорством и изысканными блюдами, существом и манерами, содержанием и формой.

Форма и содержание

Тот факт, что в области потребления продуктов питания основная оппозиция в общих чертах соответствует разделению по уровню достатка, заслоняет собой вторичную оппозицию, которая, как внутри среднего, так и внутри господствующего класса, противопоставляет группы, имеющие наибольший культурный и наименьший экономический капитал, и группы, имеющие обратную структуру активов. Так, наблюдатели усматривают простое следствие различий в уровне дохода в том, что по мере восхождения по лестнице социальной иерархии доля расходов на продукты питания уменьшается или что доля потребления

⁷ Слово «буржуа» употребляется здесь для краткости вместо выражения «доминирующие группы господствующего класса», и «интеллектуал» – вместо «доминируемые группы господствующего класса».

⁸ Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей (1884–1888). М.: ТОО «Транспорт», 1995.

тяжелой пищи, жирной и способствующей прибавлению веса, но при этом дешевой, такой, как макароны, картофель, фасоль, сало, свинина, а также вина уменьшается, в то время как увеличивается доля нежирной, легкой (быстро усваиваемой) пищи, от которой не толстеют (говядина, телятина, баранина, мясо ягненка и особенно свежие овощи и фрукты и т.д.)⁹. Учитывая, что истинным принципом формирования предпочтений является вкус – нужда, ставшая добродетелью, – теория, согласно которой потребление представляет собой прямую функцию от уровня доходов, выглядит вполне правдоподобной, так как доход в большой степени предопределяет дистанцию по отношению к минимальным потребностям. И в то же время она не может объяснить случаи, когда одинаковый доход сочетается с типами потребления, имеющими совершенно разную структуру: так, цеховые мастера остаются верными «простонародному» вкусу, хотя зарабатывают больше, чем служащие, чей вкус тем не менее кардинально отличается от вкуса рабочих и приближается к вкусу преподавателей.

Для того чтобы действительно объяснить вариации, которые фиксирует закон Энгеля, необходимо учитывать совокупность характеристик социального положения, ассоциируемых (статистически) с самого раннего детства с обладанием более или менее высокими доходами, способными формировать вкусы, соответствующие условиям существования. Подлинный принцип, лежащий в основе различий, наблюдаемых в области потребления, как и за ее пределами, заключается в оппозиции между *вкусом к роскоши* (или *к свободе*) и *вкусом от нужды*. Первый свойствен индивидам, выступающим продуктом материальных условий существования, характеризующихся *дистанцией от сферы необходимости*, свободами, или как иногда говорят, *удобствами*, которые дает обладание капиталом. Второй – уже одним фактом приспособления – выражает нужды, плодом которых он является. Таким образом, народный вкус к пище, наиболее *сытной* и одновременно наиболее *дешевой* (двойной плеоназм, демонстрирующий редукцию к чистой первичной функции), можно вывести из *необходимости воспроизводить с наименьшими затратами рабочую силу*, которая по определению требуется от пролетариата. Идея вкуса – типично буржуазная, так как предполагает абсолютную свободу выбора – настолько тесно связана с идеей свободы, что кажется парадоксальной сама идея существования вкуса к необходимому. Либо его просто-напросто устраняют, делая из практики прямое следствие экономической необходимости (например, рабочие едят фасоль, поскольку не могут позволить себе что-либо другое) и забывая о том, что в большинстве случаев необходимость воплощается в действительности лишь постольку, поскольку агенты *склонны* к тому, чтобы следовать ей, поскольку у *них есть вкус* к тому, на что они так или иначе обречены. Либо приравнивают его к вкусу свободы, забыв об условиях, продуктом которых он является, и, таким образом, сводят его к патологической и нездоровой тяге к вещам (первой) необходимости, некой разновидности врожденной убогости – предлог к классовому расизму, ассоциирующему народ со всем грубым и грязным [gros et gras]: грубыми башмаками, грубым смехом, грязной работой, грубым здравомыслием и грязными шутками. Вкус есть *amor fati*, выбор судьбы, но выбор вынужденный, навязанный условиями существования, которые, исключая как пустые мечты любую другую возможность, не оставляют иного выбора, чем вкус к необходимому.

Вкус к необходимому может породить лишь стиль-жизни-в-себе, определяемый отрицательно, через недостаток, через *лишение* [rapport de privation], отличающее его от других стилей жизни. Одним достаются знаки избранности, другим – стигматы, вплоть до телесных. «Подобно тому, как надпись на лбу избранного народа гласила о его

⁹ Банан – единственный фрукт, ежегодное потребление которого в расчете на одного человека у рабочих и сельскохозяйственных работников выше, чем у всех остальных классов и в особенности чем у высших кадров, занимающих первое место по потреблению яблок. В то время как дорогие и сытные фрукты – виноград, персики, орехи, лесные орехи или миндаль – потребляют в основном представители либеральных профессий, промышленники и крупные коммерсанты.

принадлежности Иегове, разделение труда запечатлевает на рабочем мануфактуры клеймо, утверждающее его собственностью капитала». Это клеймо, о котором говорит Маркс, есть не что иное, как сам стиль жизни, которым самые обездоленные немедленно выдают себя, что выражается даже в их способе проводить свободное время, служащем контрастом для благородных мероприятий и вносящем свой вклад, по принципу отрицания, в диалектику притязания и различия, лежащих в основе постоянных изменений вкуса. Почти не обладая знаниями или манерами, имеющими ценность на рынке академических экзаменов или светских бесед, и имея в своем распоряжении лишь умения, не представляющие интереса для этих рынков, они становятся теми, кто «не умеет жить», кому больше других приходится тратить на материальную пищу, притом на самую тяжелую, грубую и полнящую, как хлеб, картофель и жиры, а также на самую простую, как вино; кто меньше других тратит на одежду и на уход за здоровьем, на косметические товары и заботу о внешности, кто «не умеет отдыхать», «кто всегда должен что-то делать»; они ставят палатки в переполненных кемпингах, устраиваются для пикника на обочинах шоссе, стоят в пробках в своих «Renault 5» или «Simca 1000», отправляясь в отпуск, предаются развлечениям, специально для них придуманным инженерами массового культурного производства. Посредством этих внушенных «предпочтений» они подтверждают классовый расизм (если он нуждается в подтверждении), будучи уверенными, что они лишь имеют то, что заслуживают.

Искусство пить и есть остается, без сомнения, одной из немногих областей, в которых рабочие классы явно противопоставляют себя легитимному искусству жить. Новой этике умеренности во имя стройности, которой тем больше придерживаются, чем выше положение в социальной иерархии, крестьяне и особенно рабочие противопоставляют *этику доброй жизни*. Бонвиван – это не только тот, кто любит вкусно поесть и хорошо выпить. Это тот, кто умеет установить щедрые и непринужденные взаимоотношения, т.е. одновременно простые и свободные, которые символизирует и которым благоприятствует общее застолье, где исчезают сдержанность, настороженность и недомолвки, демонстрирующие дистанцию – отказ присоединиться и расслабиться.

Линия разрыва с народным отношением к еде проходит, без сомнения, между рабочими и служащими: тратя на продукты питания меньше, чем квалифицированные рабочие, как в абсолютных, так и в относительных величинах, служащие потребляют меньше хлеба, свинины, колбасных изделий, молока и сыра, крольчатины и птицы, сушеных овощей и жиров, и, имея более сжатый бюджет на питание, тратят столько же на мясо – говядину, телятину, баранину, ягненка, и немного больше на рыбу, свежие фрукты и на аперитивы. Эти трансформации структуры потребления продуктов питания сопровождаются возрастанием расходов в области личной гигиены (т.е. одновременно на здоровье и уход за внешностью) и на одежду, а также небольшим повышением расходов в области культуры и досуга. Достаточно отметить, что ограничение расходов на продукты питания и в особенности на самые *земные*, самые *приземленные* и самые *материальные* среди них сопровождается ограничением деторождения, чтобы законно предположить, что такое ограничение является одним из аспектов глобальной трансформации отношения к миру. «Скромный» вкус, умеющий пожертвовать сиюминутными потребностями и развлечениями ради будущих желаний и удовольствий, противопоставляется спонтанному материализму рабочих классов, отказывающихся принять бентамовскую систему учета радостей и страданий, прибыли и затрат (например, на здоровье и красоту). Это означает, что в основе этих двух типов отношения к материальной пище лежат две диспозиции в отношении будущего, которые сами находятся в круговой зависимости с двумя типами объективно возможного будущего. Возражая воображаемой антропологии экономической науки, без колебаний формулирующей универсальные законы «временной преференции», необходимо напомнить, что склонность подчинять желания сегодняшнего дня желаниям завтрашним зависит от степени, в которой эта жертва является «разумной», т.е. от имеющихся шансов в любом случае

получить в будущем удовольствия, превосходящие те, что были принесены в жертву¹⁰. В числе экономических условий склонности жертвовать сиюминутными удовольствиями во имя предполагаемых в будущем необходимо учитывать вероятность этих будущих удовольствий, вписанную в настоящее положение. Еще одна разновидность экономического расчета, подавляющая желание подвергать все существование экономическому расчету: гедонизм, побуждающий к тому, чтобы ловить изюминку в день редкие удовольствия («приятные моменты») настоящего, – единственно возможная философия для тех, у кого, как говорят, нет будущего, и кто, во всяком случае, не может ожидать от будущего многого. Исходя из этого становится понятно, что практический материализм, проявляющийся главным образом в отношении к еде, является одной из основных составляющих этоса, или даже этики, народа: существование в настоящем, которое проявляет себя в стремлении воспользоваться приятными моментами и принимать вещи как они есть, является само по себе утверждением солидарности с другими (которые часто представляют единственную настоящую гарантию против угроз будущего), в той степени, в какой данный временной имманентизм¹¹ есть признание пределов, очерчивающих положение. Поэтому умеренность мелких буржуа ощущается как разрыв: отказывая себе в том, чтобы хорошо провести время и чтобы хорошо провести его с другими, мелкий буржуа обнаруживает свое стремление вырваться из общего настоящего, когда он не строит свой собственный образ вокруг оппозиции между домом и кафе, умеренностью и невоздержанностью, иначе говоря, также между личным благом и коллективной солидарностью.

Кафе – это место, куда идут не просто пить, но пить в компании, и где можно установить непринужденные отношения, основанные на отказе от цензуры, условностей и приличий, которые соблюдаются в общении между незнакомцами. В противоположность кафе и ресторанам буржуа и мелких буржуа, где каждый столик представляет собой отдельную и присвоенную территорию (например, спрашивают разрешения, чтобы взять стул или солонку), кафе для рабочих – это компания, к которой можно присоединиться (знаком чего является приветствие: «Здорово, мужики!» или «Всем привет!» вновь вошедшего). Его центром является стойка, на которую облакачиваются, пожав руку «патрону», поставленному таким образом в положение хозяина (часто именно он ведет разговор), и нередко даже всем присутствующим. Столы – если они есть – оставлены «чужакам» и женщинам, которые приходят сюда, чтобы купить попить детям или позвонить). Именно в кафе находит свое применение типично народное искусство шуток, искусство все обращать в шутку (откуда идут выражения «кроме шуток» или «шутки в сторону», с помощью которых возвращаются к серьезным вещам и которые могут также усиливать иронию), но также искусство

¹⁰ Ограничимся тем, что приведем один из примеров такого ложного эссенциалистского анализа, заимствованный нами у Бем-Баверка: «Рассмотрим теперь *второй* феномен человеческого опыта, нагруженный важнейшими последствиями. Мы меньше заботимся о будущих радостях и печалях просто потому, что они лежат в будущем; и тем меньше наше беспокойство, чем более удалено от нас это будущее. Вследствие чего вещам, предназначенным для того, чтобы послужить нам в будущем, мы придаем значение, которое не соответствует их истинной будущей ценности. *Мы систематически недооцениваем наши будущие желания, а также средства, необходимые для их удовлетворения*» [Böhm-Bawerk E. Capital and Interest. Vol. 2. South Holland, Ill., 1959. P. 268].

¹¹ От «имманентный» в противоположность «трансцендентному». В данном отрывке П. Бурдьё проводит мысль об имманентном времени, т.е. времени, ограниченном пределами социального опыта и присущего социальному миру как универсальной форме всех происходящих в нем изменений. Противопоставляется трансцендентальному времени И. Канта и неокантианцев, т.е. времени как априорной форме внутреннего чувства, принадлежащей не эмпирическим агентам, а трансцендентальному субъекту. – *Прим. перев.*

высмеивания и подшучивания, становится жертвой которых предназначен толстяк, так как в большей степени, чем другие, обладает чертой, которая, согласно народным представлениям, является скорее живописной особенностью, чем пороком, и так как добродушие, приписываемое ему, предрасполагает его принимать их правильно. Одним словом, это искусство смеяться над другими, не раздражая их, при помощи ритуальных шуток и ругательств, нейтрализуемых уже самой их чрезмерностью. Оно предполагает близкое знакомство, как по используемой информации, так и по своей вольной манере, являющихся свидетельством внимания и привязанности, способом похвалить под видом поношения, примириться под видом осуждения, хотя шутки могут служить также тому, чтобы подвергнуть испытанию того, кто хотел бы держаться на расстоянии¹².

Три способа утвердить свое отличие

Основная оппозиция между вкусом к роскоши и вкусом к необходимому приобретает свою специфику при помощи стольких оппозиций, сколько существует различных способов утвердить свое отличие по отношению к рабочему классу и к его примитивным потребностям или, другими словами, возможностей, позволяющих держать необходимость на расстоянии. Так, у господствующего класса можно, для упрощения, выделить три структуры потребления, распределенные по трем основным статьям: питание, культура и внешность или представительские расходы (одежда, уход за кожей, косметические товары, обслуживающий персонал). Эти структуры, подобно структурам их капитала, приобретают полностью противоположные формы у преподавателей и у промышленников или крупных коммерсантов (см. табл. 1). Так, для последних характерны высокие расходы на питание (более 37% бюджета), очень небольшие культурные расходы и средние расходы на уход за внешностью и представительские нужды. Первые же, чьи совокупные расходы в среднем ниже, тратят меньше на питание (относительно меньше, чем рабочие), имеют ограниченный бюджет на уход за внешностью и представительство (с весьма высокими расходами на здоровье) и относительно много тратят на культуру (книги, газеты, спектакли, спорт, игрушки, музыку, радио и проигрыватель).

Таблица 1. Структура расходов преподавателей, представителей либеральных профессий, промышленников и крупных коммерсантов

	Преподаватели		Либеральные профессии		Промышленники и крупные коммерсанты	
	Франки	%	Франки	%	Франки	%
Питание*	9969	24,4	13956	24,4	16578	37,4
Внешность**	4912	12,0	12680	22,2	5616	12,7
Культура***	1753	4,3	1298	2,3	574	1,3

* В том числе питание в ресторане или в столовой.

** Одежда, обувь, ремонт и чистка, косметические товары, парикмахер, домашняя прислуга.

*** Книги, газеты, канцтовары, пластинки, спорт, игрушки, музыка, спектакли.

И тем и другим противопоставлены представители либеральных профессий, расходующие на питание такую же часть бюджета, что и преподаватели (24,4%), при гораздо более высоких

¹² Отметим, что это искусство, имеющее своих виртуозов – общепризнанных шутников, может порой доходить до карикатуры – шуток и высказываний, кажущихся банальными, глупыми или грубыми *исходя из самих критериев простонародного вкуса.*

совокупных расходах (57 122 франка вместо 40 884 франков), и чьи расходы на внешность и представительские нужды намного выше, чем у остальных групп, особенно если сюда добавить расходы на прислугу, в то время как их расходы на культуру ниже, чем у преподавателей (и даже ниже, чем у инженеров и высших управленческих кадров, располагающихся где-то между преподавателями и либеральными профессиями, хотя все же ближе к последним почти по всем типам потребления).

Мы можем уточнить систему различий, внимательно рассмотрев распределение расходов на продукты питания. По этому пункту промышленники и коммерсанты коренным образом отличаются от представителей либеральных профессий и еще больше от преподавателей по причине того внимания, которое они уделяют мучным изделиям (особенно выпечке), винам, консервированному мясу, гусиной печени, дичи и, напротив, небольшого значения, придаваемого мясу и свежим фруктам и овощам. Преподаватели, чьи расходы на питание имеют почти ту же структуру, что и у офисных служащих, тратят больше, чем все другие группы, на хлеб, молочные продукты, сахар, варенье, безалкогольные напитки, меньше на вина и алкоголь и заметно меньше, чем члены либеральных профессий, на дорогие продукты – мясо (и особенно на самое дорогое, такое, как баранина и ягнятина), свежие фрукты и овощи, рыба и морепродукты. Что касается либеральных профессий, они отличаются в основном тем, что расходуют значительную часть бюджета на дорогие продукты, в частности на мясо (18,3% расходов на питание) и особенно на самые дорогие его виды (телятина, баранина, ягнятина), а также на свежие фрукты и овощи, рыбу и морепродукты, сыры и аперитивы¹³.

Итак, по мере движения от рабочих к руководителям промышленных и торговых предприятий – через цеховых мастеров, ремесленников и мелких коммерсантов – экономические ограничения все более ослабляются, в то время как остается неизменным фундаментальный принцип потребительских предпочтений: оппозиция, противопоставляющая две крайности, устанавливается, таким образом, между бедным и богатым (нуворишем), между «жратвой» и «обжорством»; при этом потребляемая пища становится все более богатой (одновременно по цене и калорийности) и все более тяжелой (дичь, гусиная печень). Напротив, вкус представителей либеральных профессий или высших управленческих кадров определяет вкус рабочих через его отрицание, как вкус к тяжелому, жирному, грубому, ориентируясь на легкое, изысканное, утонченное (см. табл. 2 [здесь не приводится – *ред. журнала*]): отсутствие стесненности в средствах сочетается здесь с усилением социальной цензуры, запрещающей грубость и полноту в пользу изысканности и стройности. Вкус к редкой и аристократичной пище соответствует традиционной кухне, часто использующей дорогие или редкие продукты (свежие овощи, мясо и т.д.). Наконец, преподаватели, обладая большим культурным, нежели экономическим, капиталом, отличаются аскетическим типом потребления во всех областях и стремлением к оригинальности с наименьшими экономическими издержками, что приводит их к экзотике (итальянская, китайская кухня и т.д.) и кулинарному популизму (крестьянские блюда), почти сознательно противопоставляют себя богатым (нуворишам) с их обильной пищей, продавцам и потребителям «обильной еды» («grosse bouffe»), тем, кого иногда называют «шишками» («gros»*), толстыми физически и грубыми духовно, владеющими экономическими средствами, достаточными для того, чтобы утверждать с высокомерием, воспринимаемым

¹³ Внутри среднего класса нельзя найти таких четких оппозиций, хотя можно встретить подобные различия между учителями и конторскими служащими, с одной стороны, и мелкими коммерсантами – с другой.

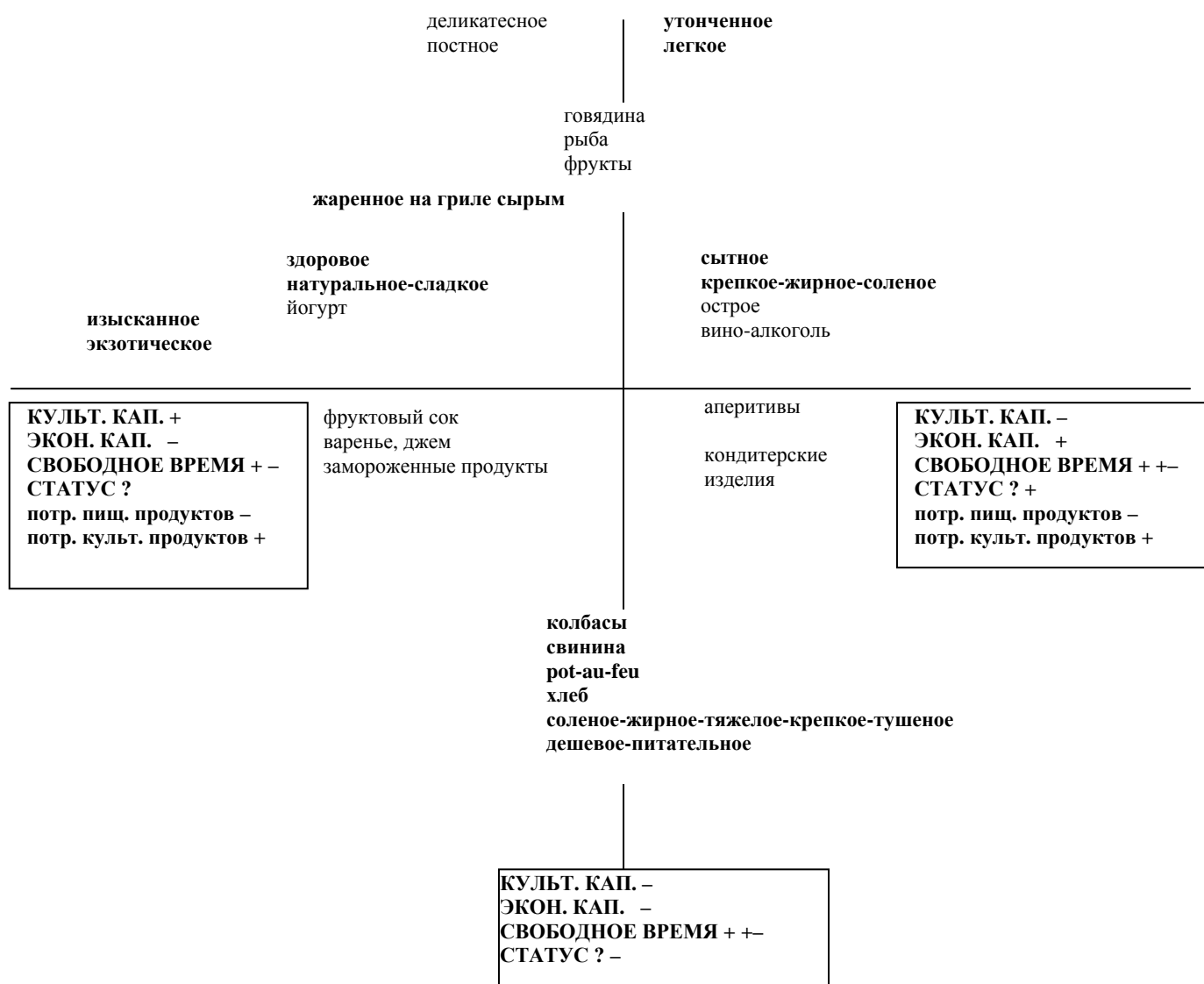
* Бурдьё здесь и далее играет с многочисленными значениями слова «gros», означающему во французском языке одновременно и «большой», и «толстый», и «грубый», и «чрезмерный», а также «богач, шишка». – *Прим. перев.*

как «вульгарность», свой стиль жизни, который остается все же очень близким стилю жизни низших классов в том, что касается культурного потребления и экономической структуры потребления.

Само собой разумеется, что невозможно изолировать потребление *продуктов* питания от стиля жизни в целом. Предпочтения в области *блюд* (о которых статистическая потребительская корзина дает очень приблизительное представление, особенно на том уровне неопределенности, на котором они предоставляются статистикой) ассоциируются, посредством способа их приготовления, со всеми представлениями об устройстве домашнего хозяйства и разделением труда между полами. Например, склонность к тушеным блюдам (горшочек с тушеной говядиной и овощами, рагу, тушеное мясо), приготовление которых требует много времени и внимания, связана с традиционным представлением о роли женщины. Таким образом, в этом вопросе особенно ярко проявляется контраст между низшим классом и доминируемыми группами господствующего класса, где женщины, чья работа имеет высокую ценность на рынке труда (что, безусловно, объясняет их более высокое мнение о своей роли), желают посвящать большую часть своего времени заботе о детях и передаче культурного капитала, а также склонны ставить под сомнение традиционное распределение ролей между полами. Стремление к экономии времени и сил на приготовление еды сочетается здесь со стремлением к легкости и малокалорийности продуктов, что выражается в предпочтении, отдаваемом мясу, жаренному на гриле, сырым овощам и фруктам (салатам), а также быстрозамороженным продуктам и готовым блюдам, йогуртам и другим молочным продуктам – всему тому, что является антиподом блюд народной кухни, наиболее типичное из которых представляет собой тушеное мясо с овощами [pot-au-feu], готовящееся из дешевого, пригодного лишь для варки мяса – в противоположность жаренному на гриле или запеченному. Это низший способ приготовления, требующий особенно много времени. Не случайно этот тип кухни – ведь говорят о женщине, посвящающей себя целиком домашнему очагу, что она «pot-au-feu» – является символом подчиненного положения женщины и разделения труда между полами, так же как тапочки, надеваемые перед ужином, символизируют незначительность роли мужчины.

Именно мелкие предприниматели в промышленности и торговле, являющиеся воплощением «обывателя», традиционно презираемого в среде «художников», чаще других (60%) признаются, что надевают перед ужином тапочки, в то время как представители либеральных профессий и высшие кадры более других склонны отвергать этот мелкобуржуазный символ (35% из них говорят, что никогда их не носят). С другой стороны, тот факт, что работницы и крестьянки особенно часто носят тапочки, свидетельствует, без сомнения, об их отношении к телу в целом, манере одеваться и преподносить себя, которые являются следствием замыкания на доме и на домашнем хозяйстве (например, известно, что жены ремесленников или коммерсантов и рабочих чаще, чем другие, говорят о том, что в своем выборе одежды преимущественно руководствуются тем, чтобы нравиться своему мужу).

Схема 2. Пространство потребления пищевых продуктов

Предпочтения в сфере питания зависят также от представлений того или иного класса о теле и о воздействии, оказываемом пищей на тело, т.е. на его силу, здоровье и красоту, а также от категорий, которые он использует для оценки этих воздействий; при этом некоторые из них могут иметь значение для одного класса и не приниматься в расчет другим. Так, различные классы могут устанавливать совершенно различные иерархии таких воздействий: рабочие, уделяющие больше внимания физической *силе* тела (мужского), чем его *форме*, имеют тенденцию потреблять продукты одновременно дешевые и сытные, в то время как члены либеральных профессий отдадут свое предпочтение продуктам вкусным, полезным для здоровья, легким и не полнящим. Как классовая культура, ставшая натурой (т.е. инкорпорированная), запечатленная в теле, – вкус участвует в формировании тела класса. Являясь инкорпорированным принципом классификации, который управляет всеми формами инкорпорирования, вкус выбирает и преобразует все, что тело поглощает, переваривает, усваивает, физиологически и психологически. Из этого следует, что тело есть наиболее неопровержимая объективация вкуса того или иного класса, который может обнаруживаться разными способами: прежде всего в самом естественном, что есть во внешности, т.е. в размерах (объем, рост, вес и т.д.) и в формах (круглых или угловатых, жестких или гибких, прямых или согнутых и т.д.), где тысячью разных способов выражается отношение к телу, иначе говоря, манера обращаться с телом, ухаживать за ним, насыщать, поддерживать –

манера, в которой проявляются наиболее глубинные диспозиции габитуса. Именно предпочтения в сфере питания, которые могут сохраняться даже вне социальных условий их производства (как в других областях – акцент, походка и т.п.), а также, безусловно, связанные с ними телесные навыки в работе и в отдыхе определяют распределение телесных свойств между классами.

Социальное определение надлежащего питания опосредовано не только полуосознанным представлением о приемлемом телосложении, и в особенности о его толщине или худобе. На более глубоком уровне это целая *телесная схема* [schéma corporel], и в частности манера держать себя во время еды, лежащая в основе отбора некоторых блюд. Так, например, если в среде рабочего класса рыба считается едой, не слишком подходящей для мужчин, то не только потому, что это легкая пища, которая не насыщает и которую готовят только из гигиенических соображений, т.е. для больных и для детей; но и потому, что она вместе с фруктами (исключая бананы) принадлежит к категории тех деликатных вещей, с которыми не могут управиться руки мужчины и перед которыми он оказывается беспомощным как ребенок (женщина, принимая роль матери, возьмется разделить рыбу на тарелке или почистить грушу). Главная же причина в том, что рыбу требуется есть таким образом, который во всем противоречит собственно мужской манере: сдержанно, небольшими кусочками, слегка пережевывая, используя *переднюю часть рта*, на кончиках зубов (из-за рыбьих костей). Вся мужская идентичность – то, что называют мужественностью – ставится под вопрос в этих двух манерах есть: первая – кончиками губ и небольшими кусочками, как женщины, только которым и подходит *ковыряться в тарелке*; вторая – полным ртом, всеми зубами и большими кусками, как подобает мужчинам. Точно так же, полностью гомологично манере есть, мужская идентичность оспаривается в манере говорить: одной лишь передней частью рта или всем ртом и особенно гортанью и горлом (в соответствии с противопоставлением *рта*: тонкий рот, сжатый рот или поджатые губы – и глотки: луженая глотка, горланить, «заткни глотку!» и т.п.). Эта оппозиция обнаруживается во всех телесных практиках и особенно в самых на вид незначительных, которые в этом качестве могут служить памяткой, хранящей самые глубинные ценности группы, ее наиболее фундаментальные «верования». Было бы несложно показать, что, к примеру, бумажные салфетки «Клинекс», требующие, чтобы к носу прикасались деликатно, не нажимая и прочищая словно бы один его кончик при помощи серии коротких выдохов, так относятся к большому хлопчатобумажному носовому платку, в который выдыхают резко и шумно, щуря от усилия глаза и крепко сжимая нос пальцами, как сдержанный в своих зрительных и звуковых проявлениях смех относится к смеху во все горло, когда смеются всем телом, наморщив нос, широко открыв рот и сделав глубокий вдох («я сложился пополам»), как бы для того, чтобы максимально преувеличить опыт, который невозможно удерживать в себе уже хотя бы потому, что им необходимо поделиться, а значит, ясно его продемонстрировать другим. Практическая философия мужского тела как *державы*, большой, сильной, имеющей огромные, настоятельные и грубые потребности и утверждающей себя во всей мужской манере держать себя и, в частности, в отношении еды, также лежит в основе разделения пищи между полами, разделения, признанного как в практиках, так и в дискурсе обоими полами. Мужчинам надлежит пить и есть больше, к тому же пищи более основательной, соответственно их образу. Так, аперитив будет предложен мужчинам дважды (а по праздникам даже больше) и в больших стаканах, наполненных до краев (своим успехом «Рикар» или «Перно», без сомнения, во многом обязаны тому факту, что речь идет о напитках одновременно крепких и обильных, которые пьются не «наперстками»), а легкую закуску (соленое печенье, арахис) они оставят детям и женщинам, выпивающим не больше одного бокала («чтобы не упасть») аперитива их собственного приготовления (рецептами которых они обмениваются). Так же и в том, что касается закусок, колбасы предназначены скорее для мужчин, как позднее и сыр (в особенности *сильный*), в то время как свежие овощи и фрукты (например, салат) оставляются для женщин: каждый положит себе добавки соответствующего блюда или разделит его остатки. Мясо, пища в высшей степени

насыщающая, укрепляющая и дающая силу, бодрость, здоровье, разгоняющая *кровь*, – это блюдо для мужчин, которое они съедают с добавкой, тогда как женщины кладут его себе немного, что, однако, не означает, что они в буквальном смысле чего-то *лишают себя* – им действительно не хочется того, чего может не хватать другим, и прежде всего мужчинам, которым полагается есть мясо по определению. За счет этого женщины приобретают некое моральное преимущество, хотя на деле и не ощущают себя лишенными чего-либо. Более того, им не кажется *вкусной* мужская еда, которая, как считается, может быть вредной для женщин, если ее употреблять в больших количествах (например, от неумеренного потребления мяса «закипает кровь», появляется ненормальная сила, высыпают прыщи и т.д.), и даже может вызывать некоторое отвращение.

Различия в строении тела усилены и символически акцентированы различием в осанке, в манере держать и вести себя, в которых наиболее полно выражается отношение к социальному миру. К этому добавляются намеренные изменения внешности, в частности при помощи различных косметических ухищрений (прическа, макияж, борода, усы, бакенбарды и т.п.) или при помощи предметов одежды, которые, благодаря инвестированным в них экономическим и культурным ресурсам, в такой же степени являются социальными знаками, приобретая свои значение и *ценность* в соответствии с положением в системе отличительных знаков, которую они образуют и которая гомологична системе социальных позиций. Будучи носителем знаков тело также производит знаки, сущность которых определяется общим отношением к телу. Так, повышенное значение, придаваемое мужественности, может детерминировать особенности произношения низших классов – через особую манеру открывать рот во время разговора или постановку голоса. Являясь продуктом социального, тело, это единственное осязаемое проявление «личности», обычно воспринимается как самое естественное выражение внутренней природы: не существует собственно «физических» признаков, и цвет, и слой губной помады или черты мимики, так же как форма лица или рта, немедленно прочитываются как показатели «нравственного» облика, который может быть социально охарактеризован как «вульгарный» или «благородный», естественно «дикий» или от природы «культурный». Знаки, составляющие воспринимаемое тело, эти плоды собственно культурного производства, влекущие за собой различие между группами по уровню культуры, т.е. по дистанции от «природного естества», сами представляются врожденными. То, что называют умением держать себя, иными словами, легитимная манера держать свое тело и представлять его, стихийно воспринимается как признак высоких моральных качеств, в противоположность «естественному» облику тела как признаку распущенности, преступного забвения *долга*.

Так обрисовывается пространство тел различных классов, которое, за исключением биологических случайностей, стремится воспроизвести в своей специфической логике структуру социального пространства. И следовательно, неслучайно, что телесные свойства оцениваются с помощью социальных систем классификации, которые не являются независимыми от распределения этих свойств между социальными классами: существующие таксономии стремятся противопоставить и проранжировать свойства, чаще встречающиеся у господствующих классов (т.е. самые редкие) и наиболее частые у подчиненных классов¹⁴. Социальное представление о собственном теле, с которым от рождения должен считаться каждый агент, чтобы выработать свое субъективное представление о своем теле и свой телесный экзис, приобретается, таким образом, путем применения системы социальной классификации, в основе которой лежит тот же самый принцип, что и в случае социальных

¹⁴ Иначе говоря, таксономии, приложимые к физическому телу (толстый / худой, сильный / слабый, большой / маленький), как и во всех других случаях, одновременно произвольны (в различных социальных и экономических контекстах идея женской красоты может ассоциироваться с пышностью или же со стройностью) и детерминированы, т.е. основаны на специфическом порядке определенного социального строя.

продуктов, к которым она применяется. Так, тело всегда получало бы оценку, строго соответствующую положению его владельца в структуре распределения других фундаментальных свойств, если бы логика биологической наследственности не была автономной по отношению к логике социальной наследственности и иногда не наделяла бы самых обездоленных в иных отношениях [индивидов] наиболее редкими телесными свойствами – например, красотой (о которой иногда говорят «фатальная», так как она угрожает иерархии) – и если бы, напротив, биологическая случайность иногда не лишала бы «великих» и всемогущих таких телесных атрибутов, соответствующих их положению, как высокий рост или красота.

Бесцеремонно или непринужденно?

Итак, понятно, что вкус в вопросах питания не может быть совершенно независим от прочих аспектов отношения к миру, другим людям, своему телу, в которых осуществляется практическая философия, характерная для того или иного класса. Чтобы это доказать, надо было бы провести систематическое сравнение простонародного и буржуазного отношения к еде – манеры ее подавать, сервировать, предлагать, которая бесконечно более показательна, чем состав используемых продуктов (особенно когда не учитывается, как в большинстве опросов по потреблению, разница в качестве продуктов). Этот анализ труден в силу того, что любой стиль жизни может быть по-настоящему осмыслен лишь в его соотношении с другим стилем жизни, который является его отрицанием, объективным и субъективным: так, что смысл поведения меняется на прямо противоположный в зависимости от того, с какой точки зрения на него смотреть, и от того, какие значения вкладывать в прочтение обиходных слов, употребляемых для его описания (например, «манеры»), – простонародные или буржуазные.

Что касается низших классов, мы могли бы говорить об их вольностях в отношении еды [franc-manger] подобно тому, как мы говорим о вольностях в их речи [franc-parler]. Прием пищи происходит здесь под знаком изобилия (которое не исключает наличия ограничений и пределов) и особенно свободы: готовятся такие «бесформенные» и подающиеся «в избытке» блюда, как супы или соусы, макароны или картофель (почти всегда в сочетании с овощами), которые накладываются половником или ложкой, тем самым избавляя от необходимости слишком точно считать или отмерять – в противоположность всему, что разрезается, подобно жареному мясу¹⁵. Это впечатление изобилия, обязательного по случаю праздника и всегда касающегося, в пределах возможного, мужчин, которым дважды наполняют тарелку (привилегия, отмечающая обретение мальчиком статуса мужчины), в повседневной жизни часто имеет своей оборотной стороной ограничения, которые чаще всего накладывают на себя женщины, беря один кусок на двоих или съедая остатки вчерашнего ужина, – при этом воздержание обозначает обретение девочкой статуса женщины. Есть и есть много (а также много пить) является частью статуса мужчины: именно их *уговаривают*, взывая к принципу «чистых тарелок», и отказ с их стороны воспринимается с подозрением; по воскресеньям, в то время как женщины, всегда на ногах, хлопочут о том, чтобы накрыть, убрать со стола и помыть посуду, мужчины все еще продолжают сидеть, пить и есть. При том, что эти яркие различия в социальном статусе (связанные с полом или возрастом) не сопровождаются никакой практической дифференциацией (подобной буржуазному различию между столовой и буфетной, предназначенной для прислуги и иногда для детей), здесь просматривается тенденция к пренебрежению строгим порядком еды: все блюда могут быть выложены на

¹⁵ Точно так же противопоставляются *плошка*, которую наливают сразу до краев, держат обеими руками и пьют, не соблюдая манер, и *чашка*, которую наполняют слегка, чтобы затем предложить еще – «не желаете еще немного кофе?» – и которую держат двумя пальцами, аккуратно поднося к губам. («Игры» в различия и «возвраты» привели к тому, что «деревянная плошка» [*bol-en-bois*]) стала одним из символов антикультуры.)

стол практически одновременно (что позволяет также экономить силы) для того, чтобы женщины могли закончить десерт вместе с детьми, усаживающимися с тарелкой перед телевизором, в то время как мужчины еще завершают основное блюдо или сын-подросток, появившийся с опозданием, наскоро проглатывает свой суп. Эта вольность, которую можно расценить как отсутствие порядка или неорганизованность, в действительности оправданна. Во-первых, она обеспечивает экономию усилий, к которой намеренно стремятся: поскольку участие мужчин в домашней работе исключается в первую очередь самими женщинами, которые считали бы для себя позором видеть их в неприемлемой по определению роли, то все средства хороши для того, чтобы минимизировать усилия. Так, когда разливают кофе, можно воспользоваться одной чайной ложкой на двоих, передавая ее соседу с тем, чтобы он в свою очередь «перемешал сахар». Но эта экономия сил позволяет себе лишь потому, что чувствуешь и хочешь чувствовать себя *среди своих*, дома, в кругу семьи, где церемонность кажется излишней. Например, чтобы сэкономить на тарелках во время десерта, можно разрезать – с шутками, чтобы подчеркнуть, что речь идет о нарушении, которое «можно себе позволить» со своими, – коробку с пирогом на импровизированные тарелки, и сосед, приглашенный на десерт, получит свой кусок картона вместе со всеми как свидетельство *близости* с ним (дать ему тарелку было бы равнозначно дискриминации). Так же при смене блюд не меняют тарелки. Тарелка для супа, вычищенная хлебом, может таким образом служить до конца еды. Хозяйка дома не преминет предложить «сменить тарелки», уже отталкивая свой стул одной рукой и протягивая другую к тарелке своего соседа, но все начнут возражать («все равно в желудке все перемешается!») и если она станет настаивать, то может показаться, что она хочет похвастаться своей посудой (что позволительно, если ей ее только что подарили) или обращается с гостями как с чужими, что иногда делается умышленно с посторонними или с нахлебниками, известными тем, что они никогда не принимают у себя, и которых хотят держать на расстоянии, меняя им тарелки, несмотря на их протесты, не смеясь их шуткам и одергивая детей за их поведение («Но нет, оставьте их, пускай...», – скажут гости; «Пора им научиться вести себя», – ответят родители). Общим корнем всех этих позволяемых себе «вольностей», несомненно, является чувство, что незачем намеренно добавлять себе правила, законы и ограничения – тем более в области питания, этой насущной потребности и в некотором роде социальном реванше – в самом сердце домашней жизни, единственном прибежище свободы, тогда как со всех других сторон и во все остальное время вынуждены подчиняться необходимости.

Вольности народа в еде буржуазия противопоставляет заботу о *соблюдении формальностей*. Эти формальности связаны прежде всего с ритмом, предполагающим ожидания, задержки, сдержанность; никогда нельзя выказывать торопливость, но дожидаться, пока последний положивший себе еду не начнет есть, и подкладывать себе кушанье незаметно. При приеме пищи следуют порядку, в соответствии с которым не допускается одновременное появление на столе таких блюд, как жаркое и рыба, сыр и десерт: например, перед тем, как подать десерт, со стола убирают все, что там оставалось, вплоть до солонки, и сметают крошки. Подобный обычай неукоснительного соблюдения установленного порядка вплоть до повседневных мелочей (так, принято бриться и одеваться каждое утро, а не только на «выход»), устранения разрыва между домом и тем, что снаружи, между повседневным и выходящим за его рамки (что для рабочих классов связано с тем, чтобы нарядиться по-праздничному) объясняется не только присутствием внутри семейного интимного мира чужих, какими являются домашняя прислуга и гости. Он является выражением габитуса порядка, выдержанности и скромности, от которого невозможно отречься. К тому же отношение к пище – первичной потребности и удовольствию *par excellence* – является лишь одним из измерений буржуазного отношения к социальному миру: оппозиция между сиюминутным и отсроченным, легким и трудным, сущностью или функцией и формой, находящая здесь особенно яркое выражение, лежит в основе всякой эстетизации практик и всякой эстетики. Посредством разного рода форм и формальностей, воздействующих на сиюминутную потребность удовлетворить голод, выражается и внушается установка на

дисциплину потребления пищи, являющаяся также мягкой, непрямой, невидимой цензурой (во всем противоположной *вынужденным лишениям*), а также неотъемлемой частью искусства жить. К примеру, вести себя за столом надлежащим образом является способом оказать почтение гостям и хозяйке дома, выразить уважение к ее стараниям и труду. В этом также заключено целое отношение к животному естеству, базовым потребностям и вульгарности, которым животные предаются без удержу; это способ отрицания потребления в его первичных значениях и функции, сугубо *заурядных*, во имя преобразования приема пищи в *социальную церемонию*, утверждения этического видения и эстетической утонченности. Манера подачи еды и ее потребления, порядок приема пищи и расположение столовых приборов, расставленных строго в соответствии с очередностью блюд и так, чтобы радовать глаз, само оформление блюд, их композиция, форма и цвет, наподобие произведения искусства, ценятся в той же степени, что и их съедобная часть; манера держаться, определяемая этикетом, осанка, манера подавать, угощаться и пользоваться различными столовыми приборами, расположение приглашенных, подчиненное правилам иерархии, предельно строгим, но всегда эвфемизированным, цензура, наложенная на все телесные проявления (всякий шум) или выказывание удовольствия от еды (торопливость), сама утонченность потребляемых блюд, чье качество главенствует над количеством (это верно в отношении вин в той же степени, что и в отношении еды) – все это усилие стилизации направлено на то, чтобы сместить акцент с существа и функции на форму и манеру, тем самым отрицая или, лучше, не признавая грубую материальную реальность акта потребления и потребляемых вещей или, что в общем-то одно и то же, грубый материализм тех, кто предается сиюминутным радостям потребления пищи, простейшей форме *aisthesis*^{16, 17}.

Все оппозиции между двумя антагонистическими типами отношения к еде и к приему пищи можно переформулировать исходя из оппозиции между формой и субстанцией: в одном случае отстаивается правда питательной сущности еды, которая насыщает тело и дает ему силу (что заставляет отдавать предпочтение пище тяжелой, жирной и острой, парадигма которой представлена свининой – жирной и соленой, – антитезой рыбы как легкой, нежирной и пресной пищи; во втором случае приоритет, отдаваемый форме (например, стройности тела) и формальностям, отодвигает на второй план стремление к силе и заботу о питательности и побуждает признать подлинную свободу в избирательной аскезе самому себе предписанных правил. Нетрудно показать, что в эту матрицу заключены также два антагонистических взгляда на жизнь, два мира, два представления о человеческом совершенстве: субстанция – или материя – это то, что насыщает в первом значении слова, т.е. питательно, но еще и реально, в противоположность внешнему виду, (красивым) жестам, короче говоря, всему тому, что относится, как принято говорить, к чисто символическому. Это реальность против подделки, имитации, пускания пыли в глаза; это небольшое бистро, неказистое на вид, с его мраморными столиками и бумажными салфетками, но где не останешься в накладе и где не обманут, как в этих ресторанах с церемониями; это «быть»

¹⁶ Aisthesis (*греч.*) – ощущение, чувство. – *Прим. перев.*

¹⁷ Внимание к форме является также способом отрицания правды социального мира и социальных отношений. Подобно тому как происходит отказ от народного «функционализма» в области еды, отрицается реалистическое видение, склоняющее народные классы воспринимать факты социального обмена в их истинном свете (и говорить, к примеру, в случае, если кто-то оказал услугу или сделал приятное: «она знает, что я обязательно отвечу ей тем же», что не является чем-то обидным или разочаровывающим). Отказываясь признавать, что социальными отношениями движет расчет, в получаемых и совершаемых подарках предпочитают не видеть ничего иного, кроме «чистых» знаков дружбы, уважения, чувства и не менее «чистых» проявлений щедрости и душевной широты.

против «казаться», естественность и непосредственность, простота (запросто, без церемоний) против позерства, притворства, жеманства, манерности и церемонности, которые всегда подозреваются в том, что подменяют собой содержание, т.е. искренность, чувство, то, что можно ощутить и что проявляется в поступках. Именно нестеснительность в высказываниях и чистосердечие отличают настоящего «рубаху-парня», прямого, бескомпромиссного, честного, правдивого, откровенного, с цельным характером, в противоположность всему тому, что является чистой формой, всему, что делается *pro forma* («уголками губ»), и вежливости на словах («слишком вежливый, чтобы быть честным») – это свобода и отказ от усложнений в противоположность уважению к форме, спонтанно воспринимаемой как инструмент превосходства и власти. Относительно этих двух моральных кредо, этих мировоззрений не может быть нейтральной точки зрения: там, где одни видят бесцеремонность, распущенность, другие видят непринужденность и невзыскательность; для одних непринужденность в обращении есть высшая форма признания, преодоление любой дистанции, доверительность, отношение равного с равным; для других же, не терпящих фамильярности, – это неуместная вольность.

Народный реализм, склонный редуцировать практики к одной лишь их функции: делать то, что делаешь, быть самим собой («я такой как есть»), «не выдумывая лишнего» («это так и не иначе»), и практический материализм, побуждающий подавлять выражение чувств и камуфлировать волнение грубостью и сильными выражениями, являются практически полной антитезой эстетического отрицания, которое, провозглашая примат формы, при помощи некой разновидности сущностного *лицемерия* (наглядного в случае противопоставления, например, порнографии и эротики), *маскирует* свой интерес к функции и побуждает делать то, что делаешь, таким образом, как если бы ты этого не делал.

Видимое и невидимое

Вместе с тем еда, которую низшие классы располагают со стороны субстанции и бытия, а буржуазия – отказываясь различать внутреннее и внешнее, «для дома» и «для других», повседневное и выходящее за его рамки, – уже привносит сюда категории формы, видимости, сама соотносится с одеждой как внутреннее с внешним, как интимное с наружным, как домашнее с публичным, как «быть» соотносится с «казаться». Резкое изменение значения, придаваемого еде и одежде в средних классах, где возникает потребность «казаться» по сравнению с низшими классами, отдающими приоритет тому, чтобы «быть», является показателем инверсии всего мировоззрения. Использование одежды рабочими классами носит реалистический или, если хотите, функциональный характер. Вынося субстанцию и функцию на первый план по отношению к форме, они стремятся приобрести за свои деньги «настоящую» одежду, останавливая свой выбор на том, что «долго носится». Не ведая свойственной буржуазии заботы быть хорошо одетым дома, в кругу семьи, являющимся для них местом свободы – носят фартуки и тапочки (для женщин), ходят с обнаженным торсом или в спортивном трикотажном костюме (для мужчин), они не проводят большого различия между верхним платьем, видимым, предназначенным для того, чтобы быть увиденным, и нижним, невидимым или спрятанным. В отличие от них средние классы начинают беспокоиться о своем внешнем виде, одежде и косметике, по меньшей мере, вне дома и на работе (которая для женщин среднего класса становится более доступной).

Таким образом, несмотря на ограниченность имеющихся в распоряжении данных, в распределении мужской одежды (гораздо более маркированной, чем женская, на уровне тех товаров, которые может охватить статистика) обнаруживается эквивалент основных оппозиций, установленных выше в области питания. В первую очередь линия разрыва вновь пролегает между служащими и рабочими и проявляется, в частности, в оппозиции между серым костюмом и синей спецовкой, между городскими ботинками и более свободными

мокасины, кроссовками или кедами (не говоря уже о домашнем халате, который служащие покупают в 3,5 раза чаще, чем рабочие). Весьма заметное увеличение как качества, так и количества покупаемой мужской одежды можно вкратце представить как оппозицию между костюмом, достоянием руководителей высшего звена, и спецовкой, отличительным признаком крестьян и рабочих (ее не носят в других группах, исключая ремесленников); а также между пальто, которое, встречаясь всегда более редко у мужчин, чем у женщин, гораздо больше распространено среди высших кадров, чем среди представителей других классов, и канадкой или курткой, которые носят в основном крестьяне и рабочие. Посредине находятся технические работники, которые уже почти не носят рабочую одежду, но достаточно часто покупают костюмы.

Среди женщин, которые во всех категориях (за исключением крестьян и наемных сельскохозяйственных работников) тратят [на одежду] больше, чем мужчины (эта разница наиболее ярка среди руководителей низшего и высшего звена, специалистов и представителей либеральных профессий с высокими доходами), количество покупок увеличивается по мере возрастания положения в социальной иерархии, при этом максимальная разница достигается в том, что касается *дамских костюмов* и *ансамблей* (дорогой одежды), и меньшая касается платьев и особенно юбок и жакетов. Между *пальто*, встречающимся тем более часто, чем выше положение в социальной иерархии, и *плащом*, который годится «на все случаи жизни», устанавливается оппозиция, аналогичная той, что наблюдается между мужскими пальто и курткой. Использование рабочего халата или передника, которые в рабочих классах представляют собой нечто вроде *функциональной одежды* домашней хозяйки, значительно увеличивается по мере снижения положения в социальной иерархии (в противоположность *домашнему халату*, почти неизвестному сельским жителям и рабочим).

Степень интереса, который различные классы проявляют по отношению к своему внешнему виду, внимание, которое они ему уделяют, осознание тех выгод, которые он может принести, а также усилия, лишения, заботы, время, реально отдаваемые внешнему виду, пропорциональны шансам на материальную и символическую прибыль, которой можно от него разумно ожидать. Точнее говоря, они зависят от существования рынка труда, где особенности внешности могут оказаться ценными (в различной степени, в зависимости от рода профессии) для самого осуществления профессии или для профессиональных отношений, и неравных шансов на доступ к этому рынку и его секторам, где красота и хорошая одежда в наибольшей степени влияют на ценность работника. Первое свидетельство этого соответствия между склонностью вкладывать силы в свою внешность и шансами на извлекаемую из нее прибыль можно увидеть в том расстоянии, которое разделяет, по всем типам ухода за телом, женщин в зависимости от того, работают они или нет (и которое варьирует также в зависимости от рода занятий и профессиональной среды). По этой логике понятно, что женщины из низших классов, имеющие гораздо меньше шансов приобрести профессию и в особенности такую, где требуется наиболее строгое соответствие нормам, господствующим в области ухода за собой, в меньшей степени, чем все остальные, сознают «рыночную» ценность красоты и гораздо меньше склонны вкладывать время, усилия, деньги и идти на жертвы ради коррекции своей внешности. Совершенно другая ситуация складывается для женщин из мелкой буржуазии, и особенно новой мелкой буржуазии, имеющих профессии, связанные с презентацией и представительством, часто предписывающие одежду, предназначенную, помимо прочего, уничтожить все следы неортодоксального вкуса, и всегда требующие *умения держаться*, в значении «вести себя с достоинством и иметь хорошие манеры», что подразумевает, согласно «Роберу»¹⁸, «отказ впасть в вульгарность и распушенность (школы, специализирующиеся на подготовке

¹⁸ «Робер» (Le Robert) – известный и авторитетный толковый словарь французского языка. – *Прим. перев.*

секретарей в приемных, подвергают девушек из низших классов, отобранных за «естественную» красоту, радикальной трансформации в их манере ходить, садиться, смеяться, улыбаться, говорить, одеваться, накладывать макияж и т.д.). Женщины из мелкой буржуазии проявляют достаточно интереса к рынку труда, где свойства внешности могут функционировать как капитал, чтобы безусловно признавать доминирующее представление о теле, при этом сами они не обладают, по меньшей мере в собственных глазах (и без сомнения, объективно), телесным капиталом, необходимым для получения наиболее высоких прибылей, что создает большое напряжение. В действительности уверенность в себе, которую дает убежденность в своих достоинствах и особенно в достоинствах своего тела и манеры говорить, в большой степени связана с позицией, занимаемой в социальном пространстве (и, конечно, с личной траекторией). Так, доля женщин, оценивающих свою внешность ниже среднего и думающих, что выглядят старше своих лет, уменьшается тем заметней, чем выше положение в социальной иерархии. Женщины склонны давать тем более высокую оценку различным аспектам своей внешности, чем более высокое положение они занимают в социальном пространстве, несмотря на то, что наряду с этим, несомненно, возрастают и требования к внешности. Понятно, что женщины из мелкой буржуазии почти так же мало удовлетворены своим телом, как и женщины из низших классов (именно среди них встречается наибольшее число женщин, желающих изменить свою внешность и недовольных различными частями своего тела). Однако, сознавая в гораздо большей степени, чем женщины из народа, ценность красоты и чаще признавая господствующий идеал телесного совершенства, они вкладывают много сил в улучшение своей внешности, посвящая этому немало *времени* и идя на осознанные *жертвы*, а также выказывают безусловное одобрение всех форм косметического волюнтаризма (например, применение пластической хирургии). Что касается женщин из господствующего класса, они извлекают из своего тела двойную уверенность: веря, как и женщины из мелкой буржуазии, в ценность красоты и в ценность усилий, затраченных на украшение себя, и, таким образом, ассоциируя эстетические качества с моральными, они чувствуют превосходство как в естественной, органически присущей красоте своего тела, так и в искусстве его совершенствования, и во всем том, что они называют манерой держаться, – добродетели нераздельно моральной и эстетической, определяющей «естественность» негативно как *распущенность*. Таким образом, красота может быть одновременно врожденным даром и собственной заслугой. Она оправдана уже одним тем, что она дана природой, и дважды оправдана, будучи достижением добродетели, которая противопоставляется в той же степени небрежности и вульгарной простоте, что и уродству.

Так, *неловкость* – опыт «отчужденного тела» *par excellence*, и противоположный ему опыт, *непринужденность*, распределяются с неравной долей вероятности между членами мелкой буржуазии и буржуазии, которые, выказывая одинаковое *признание* одному и тому же представлению о *легитимных телосложении и манере держать себя*, обладают неравными средствами для его воплощения. Шансы жить в гармонии со своим телом в действительности тем выше, чем больше телесные свойства соответствуют признанному образцу, и наоборот, вероятность испытывать неудобство, стеснение, робость от своего тела тем выше, чем больше диспропорция между идеальным и реальным телом, между воображаемым телом и так называемым *looking-glass self*¹⁹, в котором отражаются реакции других (те же законы действительны и в отношении языка).

¹⁹ В переводе с английского «зеркальное «Я»». Теория зеркального «Я» развита, в частности, Ч. Кули, который полагал, что личность человека представляет собой совокупность психических реакций человека на мнения о нем окружающих. Его собственное «Я» – воспринятое зеркальное отражение, сумма тех впечатлений, которые, как ему кажется, он производит на окружающих. – *Прим. перев.*

Не являясь монополией мелких буржуа, переживаемый ими опыт социального мира – это прежде всего *робость*, стеснение того, кто чувствует себя скованно в своем теле и в своей речи, кто вместо того, чтобы составлять с ними единое целое, наблюдает за ними как бы снаружи, глазами других, следя за собой, корректируя и исправляя себя, и кто, совершая эти самые отчаянные усилия вернуть себе отчужденное бытие-для-других, тем самым подставляет себя под удар, выдавая себя гиперкоррекцией, как и своей неловкостью: робость, поневоле воплощающая объективированное тело, позволяющая запереть себя в рамки судьбы, навязанной коллективным восприятием и высказыванием (имеются в виду, к примеру, клички и насмешливые прозвища), *выдается телом*, покорным представлению о нем других вплоть до пассивных и неосознанных реакций (когда чувствуют, что краснеют). Напротив, *непринужденность*, эта разновидность безразличия к объективирующему взгляду других, нейтрализующая его власть, предполагает *уверенность в себе*, которую дает убежденность в умении объективировать эту объективацию, присваивать себе это присвоение, быть в состоянии навязать нормы восприятия своего тела, короче говоря, располагать всеми возможностями, которые, даже будучи помещенными в тело и наделяя его внешность таким специфическим оружием, как представительность или шарм, сущностно к нему не сводимы. Именно так следует понимать результаты эксперимента Данненмайера и Тамина, участники которого, по памяти оценивая рост знакомых людей, имели тенденцию тем сильнее преувеличивать их рост, чем больше авторитета и престижа те имели в их глазах²⁰. Все склоняет к мысли о том, что логика, заставляющая воспринимать «великих» людей выше, чем они есть на самом деле, находит очень широкое распространение, и что власть любого рода заключает в себе *способность обольщать*, а не одно лишь следствие корыстного раболепства. Вот почему политический протест всегда прибегает к *карикатуре*: деформация телесного образа предназначена *рассеять очарование* и высмеять один из принципов, на которых основан эффект навязывания власти.

Обаяние и *харизма* в действительности обозначают власть, которой обладают лишь некоторые, – власть навязывать в качестве объективного и коллективного представления о теле и бытии свое собственное представление о себе, заставлять другого, как в любви или вере, *отречься от своей родовой способности к объективации*, передавая ее тому, кто должен бы быть ее объектом и кто, таким образом, становится абсолютным субъектом, не нуждающимся во внешнем мире (поскольку он есть другой-для-себя), чье существование в полной мере оправдано, легитимно. Харизматическому лидеру удастся стать для группы тем, что он есть для себя, вместо того, чтобы, подобно доминируемым в символической борьбе, быть для себя тем, что он есть для других. Он, как говорится, «делает» общественное мнение, которое делает его; он учреждает себя в качестве неустрашимого абсолюта без внешнего окружения при помощи символики власти, являющейся неотъемлемой частью его власти, поскольку позволяет ему осуществлять и навязывать другим его собственную объективацию.

Пространство стилистических возможностей

Итак, пространства предпочтений в питании, одежде, косметике организуются согласно той же фундаментальной структуре, что и социальное пространство, детерминированное объемом и структурой капитала. Чтобы полностью выстроить пространство стилей жизни, внутри которых находят определение типы культурного потребления, следовало бы вывести, для каждого класса и его групп, иначе говоря, для каждой отдельной конфигурации капитала, *порождающую формулу габитуса*, которая переводит в особый *стиль жизни*

²⁰ *Dannenmaier W.D., Thumin F.J. Authority Status as Factor in Perceptual Distortion of Size // Journal of Social Psychology. 1964. Vol. 63. P. 361–365.*

потребности и возможности, характерные для этого класса (относительно) однородных условий существования. Затем следовало бы установить, каким образом в каждой из основных сфер практики уточняются диспозиции габитуса, реализуя ту или иную *стилистическую возможность, предоставляемую каждым полем* – полем спорта или музыки, питания или украшения, политики или языка, и т.д. В результате наложения этих гомологичных пространств мы получили бы строгое отображение пространства стилей жизни, позволяющее охарактеризовать каждый отличительный признак (ношение фуражки или игру на пианино) в двух отношениях, в которых он находит свое объективное определение. С одной стороны, по отношению ко всей совокупности черт, составляющих рассматриваемую область (например, система причесок), т.е. к системе возможностей, внутри которой стиль жизни обретает свое отличительное значение; с другой стороны, по отношению к совокупности признаков, составляющих тот или иной стиль (например, рабочего класса), внутри которого определяется его социальное значение.